

Харламний

**Житие преподобного отца
нашего Максима Грека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
Х21

Х21 **Харламний**
Житие преподобного отца нашего Максима Грека / Харламний – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 50 с.

ISBN 978-5-521-28887-8

ISBN 978-5-521-28887-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

онъ отправился въ Парижъ, гдѣ у знаменитаго Грека Іоанна Ласкариса обучался Богословію, Философіи, Исторіи, Словесности и языкамъ: древне-Греческому, Латинскому, Французскому и Италіянскому.

Окончивъ образованіе у Ласкариса, Максимъ, желая короче ознакомиться съ древними языками, отправился въ Венецію, сблизился тамъ съ знаменитымъ типографомъ Альдомъ Мануччи, который обладалъ глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ, при немъ всегда было общество ученыхъ, помогавшихъ ему при печатаніи книгъ съ древнихъ рукописей. При помощи такихъ руководителей, Максимъ ознакомился съ словесными произведеніями древней Эллады, такъ что и самъ, впослѣдствіи, нерѣдко приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ древнихъ поэтовъ.

Изъ Венеціи Максимъ отправился во Флоренцію, гдѣ долгое время прожилъ тоже среди ученыхъ, но къ несчастью зараженныхъ языческими убѣжденіями; но онъ, какъ мудрая пчела, извлекалъ изъ проповѣдуемой философіи только то, что не чуждо было христіанской религіи. Въ то время, т. е. въ XVI вѣкѣ, Италія жестоко страдала недугомъ невѣрія и, какъ обыкновенно бываетъ по закону правосудія Божія, за отверженіе чистой вѣры предана была жалкому суевѣрію. О чемъ современникъ Максима Италіянецъ Доминикъ Бенивентъ говоритъ такъ: „грѣхи и злодѣянія въ Италіи умно-

жились, потому что эта страна потеряла вѣру во Христа“. Тогда вѣрили, что все въ мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіею. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только развѣ для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые видѣли въ ней обманъ и выдумку человѣческую. Такъ было во всей Италіи, и въ особенности во Флоренціи. Всѣ мужчины и женщины обратились къ правамъ языческимъ, занимались поэтами, астрологами и всякаго рода суевѣріемъ. Въ самыхъ даже представителяхъ Западной церкви потрясена была вѣра.

Общее зараженіе безвѣріемъ частію колебало и Максима, который въ юношескомъ своемъ возрастѣ, вращаясь среди заразы, не всегда могъ правильно понимать отношенія философіи къ евангельской истинѣ, и „если бы, какъ пишетъ объ этомъ Максимъ, Господь, пекущійся о спасеніи всѣхъ, не помиловалъ меня и не посѣтилъ скорѣе своею благодатію, и не озарилъ свѣтомъ своимъ мысль мою, то давно бы и я погибъ съ находящимися тамъ проповѣдниками нечестія“.

И дѣйствительно, при повсемѣстномъ зараженіи безвѣріемъ, безъ особой помощи Божіей невозможно было устоять юношѣ, видя наставниковъ своихъ послѣдующихъ туда, куда влекла волна

языческихъ нравовъ. Поэтому Максимъ даже удивляется, какъ только онъ могъ избѣгнуть поглощающей волны, и приписывая свое правовѣріе пекущемуся о немъ промыслу Божию, остался невредимымъ отъ увлеченія, и среди безбожниковъ сохранилъ чистую вѣру въ Бога.

Почерпнувши глубокое свѣдѣніе въ наукахъ и основательно изучивши Греческій, Латинскій, Французскій и Италіанскій языки, онъ оставилъ Флоренцію и не возвратился обратно въ свое отечество, но отправился на Аѳонъ, предпочитая мирное уединеніе свѣтскому шуму. Между прочимъ и другая мысль влекла на Аѳонъ любознательнаго Максима, такъ какъ онъ неоднократно слышалъ отъ своего наставника Іоанна Ласкариса *), который, по порученію Лаврентія Медичи, изъ Флоренціи отправлялся туда за рукописями и вывезъ оттуда до 200 древнихъ книгъ, что тамъ осталось множество драгоценныхъ сокровищъ, которыя хранятся въ бібліотекахъ Аѳонскихъ монастырей, а также, онъ же, Ласкарисъ, рассказывалъ и о великихъ старцахъ философахъ, жившихъ въ то время на Аѳонѣ, которые были зеркаломъ духовной учености, въ высшемъ смыслѣ Любомудрія духовнаго, основаннаго не на одномъ только созерцаніи, но и на дѣяніи подвижнической жизни.

*) Ласкарисъ въ то время уже жаль въ Венеціи въ качествѣ посла Людовика XII.

Въ то время на Аѳонѣ въ двадцати обителяхъ сосредоточились всѣ богатѣйшія Греческія библіотеки, но преимущественно Ватопедская обитель владѣла болѣе драгоцѣнными сокровищами духовной литературы, которыя ей оставили послѣ своей смерти два иночествовавшіе въ ней Императора: Андроникъ Палеологъ и Кантакузенъ.

Около 1507 года Максимъ прибылъ на Аѳонъ и поступилъ въ братство Благовѣщенской Ватопедской обители, гдѣ принялъ и постриженіе въ монашество. И здѣсь-то въ уединеніи, вдали отъ шума житейскихъ волнъ, разныхъ превратностей и разномыслія, Максимъ въ кругу опытныхъ и единоправныхъ старцевъ началъ проводить жизнь по правиламъ Ватопедской обители. При томъ неоднократно, въ видѣ послушанія, возлагалось на него порученіе отъ обители, отправляться для сбора милостыни, такъ какъ въ то время Ватопедскій монастырь не могъ болѣе содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучаться съ обителію, но какъ истинный послушникъ, для блага и пользы ближняго, и изъ любви къ угнетеннымъ, отправлялся онъ въ странствованія, и проходя изъ города въ городъ собиралъ отъ доброхотныхъ дателей изобильную милостыню, а самъ, какбы взамѣнъ оной, проповѣдывалъ имъ изъ неоскудѣваемаго источника своего любомудрія слово назиданія и чистоту православной вѣры.

Прошло около десяти лѣтъ пребыванія Максима на Святой Горѣ, какъ въ это время получены были письма изъ Россіи и отъ Султана на имя Прота (игумена) Симеона въ Карѣѣ. Великій Князь Московскій Василій Іоанновичъ просилъ прислать къ нему на время Ватопедскаго старца Савву, для перевода Греческихъ книгъ, на котораго, какъ видно, указалъ іеромонахъ Ватопедской обители Неофитъ, бывшій въ Москвѣ и теперь возвращавшійся изъ Россіи. Съ этою просьбою и богатою милостынею, въ мартѣ мѣсяцѣ 1515 года, посланы были отъ Великаго Князя люди торговые Василій Копылъ и Иванъ Вараввинъ. По прибытіи на Св. Гору, посланные остановились въ Ватопедской обители, гдѣ они побывали у старца Саввы, который на приглашеніе Великаго Князя Московскаго, отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на старость и болѣзненное состояніе ногъ. Видя несоизволеніе Саввы, Протъ Симеонъ, по совѣту Ватопедской братіи, рѣшился замѣнить престарѣлаго Савву инокомъ Максимомъ, который, какбы предвидя, что въ Россіи ожидаютъ его многолѣтнія гоненія и скорби, долго отказывался отъ этого тяжкаго порученія и удаленія изъ любимой имъ Святой Горы; но просьбы игумена, который поставилъ ему на видъ, что доставить духовную пищу алчущимъ есть величайшая любовь, смягчили Максима, и онъ рѣшился ѣхать въ Россію. Ватопедскій же игуменъ Аноимъ, при отправленіи Максима, писалъ письмо къ Великому Кня-

зю и Митрополиту, слѣдующаго содержанія: «Посылаемый нами инокъ Максимъ свѣдуѣ въ божественномъ писаніи и способенъ къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ и такъ называемыхъ Еллинскихъ. Правда, писалъ онъ, Максимъ не знаетъ Русскаго языка, а только Греческій и Латинскій; но мы надѣемся, что онъ скоро научится и Русскому языку». И такимъ образомъ съ молитвою и напутственнымъ благословеніемъ Максимъ отправился съ послами въ Россію, взявши съ собою вышеупомянутаго іеромонаха Неофита и Лаврентія, которые были нѣсколько знакомы съ Русскимъ языкомъ.

Путешествіе ихъ было весьма продолжительное, такъ какъ Василій Копылъ и Иванъ Варавинъ должны были нѣсколько времени провести въ Крыму, по своимъ коммерческимъ дѣламъ, а Максимъ это время употребилъ на изученіе Русскаго языка, и въ началѣ 1518 года прибылъ въ Москву.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, почему именно Великій Князь Василій Іоанновичъ обратился на Аѳонъ съ просьбою выслать переводчика? Причина этому была слѣдующая: въ то время Россія, истерзанная набѣгами дикихъ Татарскихъ Ордъ, отдыхала отъ ратнаго дѣла и во всемъ Русскомъ царствѣ водворился вожделѣнный миръ. Въ это тихое время Великій Князь Василій Іоанновичъ обратилъ вниманіе на множество древнихъ рукописей и книгъ Греческихъ и Латинскихъ, хранившихся въ библио-

текѣ подлѣ царскихъ покоевъ, которыя вывезены были его матерью Великою Княгинею Софіею Ѳомишиною изъ Константинополя въ то время, когда она ѣхала въ Россію для бракосочетанія съ Іоанномъ III-мъ, его родителемъ. А нѣкоторыя книги были присылаемы ей въ даръ Константинопольскими патріархами. Такимъ образомъ вотъ существенная причина, побудившая Великаго Князя обратиться на Аѳонъ и просить переводчика.

По прибытіи Максима въ Москву, Великій Князь встрѣтилъ его съ радушіемъ, назначивъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ, содержаніе же получать отъ Двора.

Кромѣ Великаго Князя, Максиму оказывалъ особое вниманіе и первосвятитель Московскій Варлаамъ, который былъ мужъ святой жизни, трудился въ иконописаніи, любилъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и хотя самъ не былъ писатель, но охотно послѣдовалъ совѣтамъ къ улучшенію состоянія церковнаго. Великокняжеская бібліотека цѣлыхъ сто лѣтъ не отпиралась и теперь только открылась для Максима, и онъ, видя здѣсь драгоценное сокровище, удивился и вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ въ восторгъ отъ тѣхъ сокровищъ, которыхъ не приходилось ему видѣть и въ Греціи. Причина тому была та, что Греческіе Цари, не желая, чтобы Западная церковь, находящаяся въ разединеніи съ Восточною, имѣла въ переводѣ на Латинскій языкъ творенія Восточныхъ учителей,

строга запретили вывозъ Греческихъ книгъ въ западныя государства; вслѣдствіе этого для Запада, при всемъ его желаніи имѣть переводы Греческой литературы, она была недоступна. Но когда попущеніемъ Божиимъ посланъ былъ варварскій народъ на Греческое царство, и послѣ плѣненія Константинополя, ожесточенныя Турки начали предавать огню все то драгоцѣнное сокровище, которымъ такъ гордилась Греція и которое недоступно было народу чуждому по исповѣданію, тогда нѣкоторые благочестивые христіане, желая, чтобы не до конца угасло свѣтило Греческаго православія, взяли множество книгъ Греческихъ и отплыли съ ними въ Римъ. Кто же можетъ описать ту радость Римлянъ, когда въ рукахъ Римскихъ типографщиковъ появились Греческія книги, которыхъ они издавна добивались! Они съ жадностію начали переводить и печатать всѣ принесенныя книги на Латинскій языкъ, а Греческіе подлинники сожгли. Вслѣдствіе этого вѣроломнаго обмана совершенно оскудѣла у Грековъ философія.

Осмотрѣвши всю библіотеку, Максимъ спросилъ Великаго Князя, какую бы онъ желалъ первую книгу перевести на Славянскій языкъ? Великій Князь посоветовался съ Митрополитомъ и боярами, и съ общаго совѣта было рѣшено заняться переводомъ толковой псалтири, такъ какъ эта книга наиболѣе другихъ обращалась въ рукахъ: съ нея начинали знакомиться съ грамотою; къ ней всего чаще

обращались въ церковномъ богослуженіи; она служила и для домашняго благочестиваго употребленія, какъ уединенному подвижнику такъ равно и простому мірянину. А такъ какъ Максимъ еще не былъ силенъ въ Русско-Славянскомъ языкѣ, и притомъ не ознакомленъ съ его особенностями, то ему дали двухъ переводчиковъ Димитрія Герасимова и Власія, владѣвшихъ Латинскимъ языкомъ, и они должны были переводить съ Латинскаго на церковно-Славянскій языкъ то, что передавалъ имъ Максимъ съ Греческаго на Латинскій. Въ пособіе же переводчикамъ назначены были два писца: Михайло Медоварцевъ и инокъ Троицкаго-Сергіева монастыря Силуанъ.

И такимъ образомъ, столь сложная работа продолжалась слишкомъ медленно, такъ какъ богумудрому Максиму приходилось трудиться не только въ переданіи чистоты и полноты правильныхъ выраженій, но и въ непогрѣшительномъ толкованіи, такъ какъ въ сводномъ толкованіи псалмовъ были соединены изъясненія двадцати различныхъ толкованій, которыя рознились между собою какъ въ направленіи толкованій, такъ равно и въ самомъ объясненіи тѣхъ или другихъ псалмовъ. Сверхъ того, между толкователями было нѣсколько лицъ, признанныхъ въ древней церкви еретиками, а другихъ православіе считалось сомнительнымъ. Такъ напримѣръ: на ряду съ именами св. Василия Великаго и Іоанна Златоустаго стояли Оригенъ,

Аполлинарій, Дидимъ, Северіанъ Антиохійскій и прочіе.

Трудно было Максиму отдѣлять, отъ чистой пшеницы толкованія Св. Отцевъ, примѣсь еретическихъ плевелъ; для этого требовалась строгая осмотрительность и глубокое знаніе Богословія. Но однако при помощи Божіей и усиленной работы, черезъ годъ и пять мѣсяцевъ переводъ псалтири былъ оконченъ и представленъ Великому Князю при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, труженикъ, изъ скромности и по глубокому смиренію, писалъ: „надлежало бы книгѣ, исполненной такихъ достоинствъ, имѣть и переводчика болѣе опытнаго въ словесномъ искусствѣ, который бы могъ не только глубокомысленныя реченія богомудрыхъ мужей достойно передать, но и временемъ похищенное вознаградить, и невѣжествомъ переписчиковъ поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами Греки, *и учились у знаменитыхъ учителей*; но еще стоимъ нѣгдѣ долѣ, при подошвѣ горы Фаворской, съ девятью учениками, какъ еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголѣпныхъ видѣній Просвѣтителя Іисуса, которыхъ удостоиваются только просіявшіе высокими добродѣтелями. Говорю это потому, что Греческій языкъ, по изобилію въ значеніи словъ и въ разныхъ способахъ выраженія, придуманныхъ древними риторамъ, довольно представляетъ трудностей въ переводѣ, для побѣжденія которыхъ